«Недоразумение» длилось два десятилетия

140 лет со дня рождения С.А. Бутурлина

Имя выдающегося орнитолога и охотоведа Сергея Александровича Бутурлина хорошо известно читателям «Мономаха», так как журнал не раз обращался к биографии и деятельности этого выдающегося учёного.

В нашем городе и области есть ряд объектов, увековечивающих заслуги Сергея Александровича. В их числе – «Комната памяти С.А. Бутурлина», созданная в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова. Историю её возникновения, а также о борьбе за её восстановление после неожиданного закрытия в 1987 году сегодня рассказывает директор краеведческого музея в 1950–1982 годы Марк Харитонович Валкин.

Сергей Бутурлин – гимназист Симбирской классической гимназии. 1880-е

Жизнь старинного дворянского рода Бутурлиных тесно связана с нашим краем, хотя сам Сергей Александрович Бутурлин родился 10 (22) сентября 1872 г. в Швейцарии, в г. Монтрё, где его отец Александр Сергеевич вместе с супругой находился в эмиграции.

В 70-80 годы XIX века Бутурлины жили в Симбирске. На лето вся семья выезжала в своё имение в Карсунском уезде (ныне Сурский район) Симбирской губернии. Там, на Суре, 14-летний Сергей Бутурлин начал охотиться на птиц и собирать коллекцию их тушек, а также записывать результаты своих наблюдений за пернатыми. Между прочим, отец будущего учёного обращался за советом ко Льву Толстому: следует ли разрешать ещё юному сыну охотиться?

Несмотря на то, что Сергей Александрович Бутурлин стал юристом, всё свободное от службы время он уделял своему призванию – научной работе орнитолога. В довоенные годы им был организован ряд научных экспедиций. Собранная им орнитологическая коллекция включала 12 тысяч экземпляров. В его научной библиотеке имелось 8 тысяч книг, не считая рукописей, дневников, отчётов экспедиций, фотографий. Империалистическая война застала мирового судью Бутурлина в Эстонии, в городе Везенберге (ныне г. Раквере). Чтобы сохранить ценнейший научный материал, Бутурлин решил отправить всё по железной дороге своим знакомым Кротковым в Карсунский уезд Симбирской губернии. Груз в количестве 70 ящиков, по 80 кг каждый, благополучно прибыл на место назначения, но был конфискован новыми властями и отправлен в Карсун. Там ящики были вскрыты, а их содержимое роздано разным учреждениям. В результате большая часть орнитологической коллекции и другие материалы бесследно исчезли. Об этом Бутурлин писал: «... погибла вся моя библиотека, вероятно, в остатках гниёт где-нибудь в Карсуне, и большая часть моих коллекций (остатки около 4,5 тыс. экземпляров я спас – они в музее 1-го Государственного Московского университета, которому, как и книги, давно мною были завещаны). Погибли рукописи определителя, как и других, более-менее законченных работ». Учёному пришлось заново восстанавливать многие рукописи, в том числе огромную рукопись «Полного определителя птиц Российской империи». В предисловии к восстановленному и изданному уже в советское время этому труду Бутурлин написал: «Нет ничего более тяжёлого, чем повторение раз уже проделанной работы».

Бутурлинская комната. Экскурсию ведёт Т.А. Громова. 2006 год

Пишущему эти строки посчастливилось через много лет обнаружить значительную часть исчезнувшего архива Бутурлина и небольшое количество экземпляров из его орнитологической коллекции.

***

В послевоенные годы я работал в Государственном музее Татарии. В 1950 году по приглашению переехал в Ульяновск для работы в должности

директора Областного краеведческого музея. Начав работу с рукописными материалами на новом месте, я обратил внимание на письма, написанные очень мелким, но легко читаемым почерком. Это были письма Александра Сергеевича Бутурлина его сыну Сергею. Отец объяснял ему смысл текущих событий в жизни России, излагал свои взгляды по вопросам естествознания, а также нравственные принципы, которыми должен руководствоваться молодой человек. В фондах музея находились рукописи научных работ, отчёты экспедиций, переписка с учёными и деятелями культуры (В.П. Филатовым, М.М. Пришвиным, В.К. Арсеньевым, В.Л. Бианки, Н.А. Зворыкиным, А.П. Ивашенцевым, Б.М. Житковым, А.П. Семёновым-Тян-Шанским и другими). Тогда у меня возникла идея увековечения памяти отца и сына Бутурлиных в Ульяновске и регионе.

В конце 1950-х годов я начал поиски сыновей С.А. Бутурлина – Константина и Александра, проживавших в Москве. Первая встреча состоялась с младшим – Александром, и его семьёй. Бутурлины согласились безвозмездно передать музею бережно хранившиеся у них реликвии, но с условием: наиболее значимые материалы должны быть представлены в экспозиции музея. Согласно достигнутой договорённости музей получил от Бутурлиных вещи учёного. Их дар является ценнейшим пополнением музейного фонда страны. В 1982 году стало возможным достойно представить полученные от Бутурлиных материалы.

25 ноября 1983 года состоялось открытие «Бутурлинской комнаты». Экспонаты комнаты с интересом изучали преподаватели биологии педагогического, сельскохозяйственного институтов и активно посещавшие её экскурсионные группы студентов и школьников. Однако некоторые сотрудники музея, и в том числе вновь назначенный директор Ю.Д. Ефимов, считали более целесообразным использовать занимаемую бутурлинскими материалами комнату для временных выставок. В результате в 1987 году последовал приказ Ефимова о демонтаже экспозиции.

Сразу после закрытия комнаты началась борьба за её восстановление. Возмущённые ульяновские учёные-биологи направили тогдашнему секретарю обкома партии по идеологии В.А. Баскаковой письмо с просьбой принять меры к восстановлению объекта. Результатов не последовало.

В сентябре 1988 года в московском журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 9) была помещена заметка охотоведа И. Абрахиной и М. Валкина «Отменить ошибочное решение». Вслед за ней в газете «Ульяновская правда» появилась статья председателя Казанского отделения Всесоюзного орнитологического общества В. Гаранина «К закрытию комнаты С. Бутурлина». В ней он сообщал, что совет Казанского отделения Всесоюзного орнитологического общества, в который входят специалисты и любители-орнитологи из всех регионов Поволжья, обсудил известие о закрытии памятной комнаты С.А. Бутурлина и посчитал действия руководства музея (и, соответственно, управления культуры) «явным недоразумением…».

21 сентября 1988 года через ту же газету последовал ответ Ефимова – экспозиционных площадей в Ульяновском краеведческом музее недостаточно.

Шли годы, менялись директора УКМ, а Бутурлинская комната всё не восстанавливалась. Помогла учреждённая в 2002 году Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая памяти С.А. Бутурлина. Среди материалов I конференции, опубликованных в «Бутурлинском сборнике», есть и моя статья, заканчивающаяся так: «…дело чести музея – восстановить комнату памяти человека, чьё имя является гордостью нашего края». Хлопотали и сами Бутурлины. В 2005 году они решили обратиться с письмом к заместителю начальника областного управления культуры М.Б. Ждановой и директору музея Ю.К. Володиной и напомнить об обязательствах, которые музей принял на себя при получении личных вещей учёного.

После многочисленных просьб и напоминаний, в 2006 году, через 20 лет после закрытия комнаты, решился вопрос о её восстановлении. Бутурлинская комната в музее вновь открыта. Тематико-экспозиционный план новой экспозиции разработали заместитель директора музея по научной работе О.Е. Бородина и старший научный сотрудник отдела природы Т.А. Громова. Здравый смысл победил.